В клубе «Только стихия, только поэзия»
10 апреля 2013 года.

Собрались в 407-ой раз!!!

Виктор Мирочник рассказал о двух поэтах, родившихся в этот день.
И прочёл их стихи.

Рождественский Всеволод Александрович (10.04.1895 – 31.08.1977)

Из автобиография Вс. Рождественского

Есть мудрая народная пословица: "Путь дороги не знает". Народ различает понятия "путь" и "дорога". "Путь" для него значительнее, важнее. Он всегда продиктован сердцем и совестью, он всегда един, меж тем как "дороги" многообразны. Когда я

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

думаю о том, что уже пройдено, что осталось позади, мне хочется говорить больше о пути, чем о дорогах. И думается, это совершенно естественное желание. А путь этот, как я себе его представляю (речь идет о поэзии), был обусловлен традициями русского реалистического искусства и сквозь все сложности и переплетения дорог шел к единой цели, с тем чтобы хоть малым ручейком влиться в общее русло новой жизни, завоеванной мужеством и трудами родного народа. Я родился на рубеже двух столетий, весной 1895 года, в городе, который назывался Царское Село, а ныне носит имя нашего великого национального поэта. Раннее детство мое прошло в квартире преподавателей местной гимназии. Стародавние липы и клены пушкинского парка, отраженные в сияющих тихих прудах, величественные создания Растрелли и Камерона, памятники русской воинской славы - все это сопутствовало мне с первых же шагов сознательной жизни. Маленький тенистый городок, окруженный тесным кольцом густолиственных парков, был живым свидетелем пушкинской лицейской юности, и все в нем было полно памятью о пылком кудрявом подростке, бронзовый двойник которого и сейчас задумчиво сидит на парковой скамье, прислушиваясь к шелесту листьев лицейского сада. Рос я в семье, где любили Пушкина и Некрасова, где мать напевала старинные русские песни и романсы Варламова и Гурилева, где старшие брат и сестра читали Герцена и Чернышевского, увлекались студенческими песнями 1905 года. Интерес к поэтическому слову пробудился у меня еще на гимназической скамье. Директором гимназии был тогда поэт и филолог, тонкий знаток античной древности Иннокентий Федорович Анненский - добрый друг нашей семьи. Он учил нас, гимназистов, не только латинскому синтаксису, но и строгой простоте и точности античной поэзии. Наряду с Пушкиным, в юношеское сознание входили и Катулл, и Овидий, и величественный пафос греческой трагедии. Последние классы гимназии я кончал в Петербурге и, поступив на филологический факультет университета, еще застал предреволюционную пору его существования. Студенчество резко делилось на "аристократов" и "демократов". Мои симпатии были отданы демократическому лагерю. Мы носили синие косоворотки под студенческой тужуркой и от всей души ненавидели "белоподкладочников" с их лощеными проборами и длинными парадными сюртуками. Различие одежды символизировало более глубокие, идейные расхождения.

* * *

Она ни петь, ни плакать не умела,
Она как птица легкая жила,
И, словно птица, маленькое тело,
Вздохнув, моим объятьям отдала.
Но в горький час блаженного бессилья,
Когда тела и души сплетены,
Я чувствовал, как прорастают крылья
И звездный холод льется вдоль спины.
Уже дыша предчувствием разлуки,
В певучем, колыхнувшемся саду,
Я в милые беспомощные руки
Всю жизнь мою, как яблоко, кладу.

* * *

Мне снилось... Сказать не умею,
Что снилось мне в душной ночи.
Я видел все ту же аллею,
Где гнезда качают грачи.
Я слышал, как темные липы
Немолчный вели разговор,
Мне чудились иволги всхлипы
И тлеющий в поле костер.
И дом свой я видел, где в окнах,
Дрожа, оплывала свеча.

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

Березы серебряный локон,
Качаясь, касался плеча.
С полей сквозь туманы седые
К нам скошенным сеном несло,
Созвездия - очи живые -
В речное гляделись стекло.
Подробно бы мог рассказать я,
Какой ты в тот вечер была;
Твое шелестевшее платье
Луна ослепительно жгла.
И мы не могли надышаться
Прохладой в ночной тишине,
И было тебе девятнадцать,
Да столько же, верно, и мне.
1933

Белла Ахмадулина (10.04.1937 – 29.11.2010)
Родилась в Москве. В числе предков - с материнской стороны итальянцы, осевшие в России, и среди них революционер Стопани, чьим именем был назван переулок в Москве. С отцовской стороны - татары. Когда в 1955 году первые стихи Ахмадулиной появились в журнале "Октябрь", сразу стало понятно, что пришел настоящий поэт. Поступив в этом же году в Литинститут, она была там королевой, и в нее были влюблены все молодые поэты, включая и составителя этой антологии, который стал ее первым мужем. Ее талантом восхищались и поэты старшего поколения - Антокольский, Светлов, Луговской, а вот Пастернака она только однажды встретила на тропинке, но постеснялась ему представиться. Усвоив ассонансную "евтушенковскую" рифмовку, она резко повернула в совершенно другую сторону - в шепоты, шелесты, неопределенность, неуловимость. Однако я не согласен с точкой зрения Вольфганга Казака, который называет ее поэзию "аполитичной". Аполитичность как бы подразумевает политическое равнодушие. Поэзия Ахмадулиной, да и ее поведение скорее антиполитичны. У ее стихов "Елабуга", "Варфоломеевская ночь", "Сказка о Дожде" не отнимешь ее особой, я бы сказал, интимной гражданственности, проникнутой презрением ко всему тому, что есть политика, унижающая и уничтожающая людей. Хрупкая, нежная рука Ахмадулиной подписала все письма, которые только можно припомнить, в защиту диссидентов и многих других попадавших в беду людей. Ахмадулина ездила в ссылку к Сахарову, найдя мужество пробиться сквозь полицейский кордон. Ахмадулина пишет элегантную прозу, выше сюжета ставя тонкость языка, как, впрочем, и в поэзии. В 1989 году ей, убежденно антиполитическому поэту, присуждена Государственная премия СССР. Ахмадулина была - почетный член американской Академии искусств.

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

Фигуры уходящего века. Владимир Липилин
С Беллой Ахмадулиной встретился в унылом провинциальном городе Саранске. Белла Ахатовна приехала туда с творческим вечером. Она сидела в театральной гримерке, заваленной цветами, и голосом, похожим не то на песню, не то на плач, говорила: "Извините, но сегодня разговора не получится". Ее знаменитый муж Борис Мессерер, сопровождающий Беллу повсюду, виновато развел руками и снова стал зарисовывать в блокнот вид из окна: маковки церквей в фонарном свете. "Если уж очень хотите, можете поехать с нами,- пропела Белла. - Завтра мы едем на машине в знаменитый Санаксарский монастырь и по лагерным местам, где отбывали срок писатели Синявский и Даниэль". Ранним утром наша "Волга" мчалась в сторону мест не столь отдаленных, за окном тянулись снега, снега...

* * *

Я думала, что ты мой враг,
что ты беда моя тяжелая,
а вышло так: ты просто враль,
и вся игра твоя - дешевая.
На площади Манежная
бросал монету в снег.
Загадывал монетой,
люблю я или нет.
И шарфом ноги мне обматывал
там, в Александровском саду,
и руки грел, а все обманывал,
всё думал, что и я солгу.
Кружилось надо мной вранье,
похожее на воронье.
Но вот в последний раз прощаешься.
В глазах ни сине, ни черно.
О, проживешь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.
Но как же всё напрасно,
но как же всё нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.
1957

* * *

О, мой застенчивый герой,
ты ловко избежал позора.
Как долго я играла роль,
не опираясь на партнера!
К проклятой помощи твоей
я не прибегнула ни разу.
Среди кулис, среди теней
ты спасся, незаметный глазу.
Но в этом сраме и бреду
я шла пред публикой жестокой -
все на беду, все на виду,
все в этой роли одинокой.
О, как ты гоготал, партер!
Ты не прощал мне очевидность
бесстыжую моих потерь,
моей улыбки безобидность.
И жадно шли твои стада
напиться из моей печали.
Одна, одна - среди стыда

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

стою с упавшими плечами.
Но опрометчивой толпе
герой действительный не виден.
Герой, как боязно тебе!
Не бойся, я тебя не выдам.
Вся наша роль - моя лишь роль.
Я проиграла в ней жестоко.
Вся наша боль - моя лишь боль.
Но сколько боли. Сколько. Сколько.
1960-1961

ТЕАТР

В. Высоцкому

Эта смерть не моя есть ущерб и зачет
жизни кровно-моей, лбом упершейся в стену.
Но когда свои лампы Театр возожжет
и погасит - Трагедия выйдет на сцену.
Вдруг не поздно сокрыться в заочность кулис?
Не пойду! Спрячу голову в бархатной щели.
Обреченных капризников тщетный каприз -
вжаться,
вжиться в укромность - вина неужели?
Дайте выжить. Чрезмерен сей скорбный сюжет.
Я не помню из роли ни жеста, ни слова.
Но смеется суфлер, вседержатель судеб:
говори: все я помню, я здесь, я готова.
Говорю: я готова. Я помню. Я здесь.
Сущ и слышим тот голос, что мне подыграет.
Средь безумья, нет, средь слабоумья злодейств
здраво мыслит один: умирающий Гамлет.
Донесется вослед: не с ума ли сошед
Тот, кто жизнь возлюбил
да забыл про живучесть.
Дай, Театр, доиграть благородный сюжет,
бледноликий партер повергающий в ужас.

*** * ***

По улице моей который год
звучат шаги - мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.
Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.
Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.
О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.
Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.
Дай стать на цыпочки в твоем лесу,

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

на том конце замедленного жеста
найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.
Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и - мудрая - я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.
И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверят мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.
И вот тогда - из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.
1959

* * *

Вот не такой, как двадцать лет назад,
а тот же день. Он мною в половине
покинут был, и сумерки на сад
тогда не пали и падут лишь ныне.
Барометр, своим умом дошед
до истины, что жарко, тем же делом
и мненьем занят. И оса - дюшес
когтит и гложет ненасытным телом.
Я узнаю пейзаж и натюрморт.
И тот же некто около почтамта
до сей поры конверт не надорвет,
страшась, что весть окажется печальна.
Всё та же в море бледность пустоты.
Купальщик, тем же опаленный светом,
переступает моря и строфы
туманный край, став мокрым и воспетым.
Соединились море и пловец,
кефаль и чайка, ржавый мёд и жало.
И у меня своя здесь жертва есть:
вот след в песке - здесь девочка бежала.
Я помню - ту, имевшую в виду
писать в тетрадь до сини предрассветной.
Я медленно навстречу ей иду -
на двадцать лет красивей и предсмертней.
- Всё пишешь,- я с усмешкой говорю.
Брось, отступись от рокового дела.
Как я жалею молодость твою.
И как нелепо ты, дитя, одета.
Как тщетно всё, чего ты ждешь теперь.
Всё будет: книги, и любовь, и слава.
Но страшен мне канун твоих потерь.
Молчи. Я знаю. Я имею право.
И ты надменна к прочим людям. Ты
не можешь знать того, что знаю ныне:
в чудовищных веригах немоты
оплачешь ты свою вину пред ними.
Беги не бед - сохранности от бед.
Страшись тщеты смертельного излишка.
Ты что-то важно говоришь в ответ,
но мне - тебя, тебе - меня не слышно.

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

1977

ПРОЩАНИЕ

А напоследок я скажу:
прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу. Иль восхожу
к высокой степени безумства.
Как ты любил? - ты пригубил
погибели. Не в этом дело.
Как ты любил? - ты погубил,
но погубил так неумело.
Жестокость промаха... О, нет
тебе прощенья. Живо тело
и бродит, видит белый свет,
но тело мое опустело.
Работу малую висок
еще вершит. Но пали руки,
и стайкою, наискосок,
уходят запахи и звуки.
1960

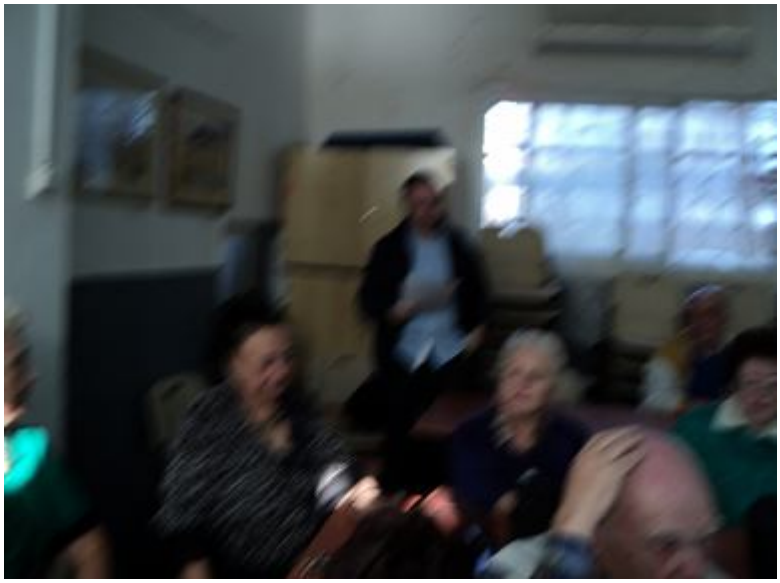
Яков Меренбах прочёл своё стихотворение

* * *

Я этот мир корыстно-хищный
Всей смертной плотью простака
Не принимаю, словно пищу,
Разящую издалека.
Мне подают советы справа,
А слева ломятся учить.
Похвально. Попытайтесь право
В гранит сосновый кол забить.
Враньё облыжно правду судит,
Огнём воюет и мечом.
Одним, возможно, местом люди
Сильней намного, чем умом.
Кто попорядочней, кто гаже,
Но в большинстве своём везде:
Глядят на снег, а видят сажу,
Карьеру на чужой беде.
Мне говорили чикатилы:
- В поэзии ты мелкий прыщ,

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

Перо мокнул не в те чернила,
Гвоздём на мостовой торчишь.
Я в сторону ушёл от спора
И рук не заморал в дерьме.
Маньяки эти крематорий
Имеют в собственной семье.
Я, как щенок, пугаюсь грома,
Визжу, когда пинка дают.
И боязно сбежать - догонят,
И укусить нельзя - убьют.
Чем твёрже сталь, тем ломче шпага,
Но если жизнь в тиски зажмёт,
Я не уверен в том, что плаха
Меня, как всех, переживёт.
Казнённый рифмами и плетью,
Рабом, ослушник в кандалах,
Несу достойно крест поэта
На собственный свой риск и страх.



Константин Баскович прочёл
отрывок из "Поэмы двух Городов" в соавторстве с В. Поповичем (Англия)

1.
прошлое некогда бывшее лишь настоящим,
льется вином на холодные плиты вчера,
вобщем-то это метро.. и достроить пора
самое настоящее из метро, где мы стащим
с ночи покровы. в больнице поют доктора,
в хоре одни терапевты, журнал не дочитан,
правила все нарушают, и эта пора
точно весною зовётся, и бунт ей засчитан

2.
камни хромые на скатерти жарких ветров,
ветры слепые на каторге мира ночного,
маленький домик, песок, или из под мостов
шелест уюта и можно прожить без иного,
мысли скульптуры, от жизни извечный вопрос,
память, мой улий, заброшенный долгими днями,
«и» перечёркнуто.. много отравленных ос
чёрными, как пожары, всегда временами
вне или после! длинна у проспекта – аршин

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)

вечности, или секунда, как до неба морю,
муза иная, доказывает, хоть не спорю,
целой теории\чувства, аспект величин.

3.
в жаркой продажности вИденья мечутся жмени,
мелочь разбросанна в комнате тыльных сторон,
нет, поражают не камни доверчивой лени –
спальни, в которых рождаются сонмы препон.
в матовой скатерти место творения – мата,
изредка-быстро проносится мир ворожбы,
белые родинки чёрного миро-квадрата
в сделанной наспех картинке газетной судьбы

Леонид Манпель свой прочёл рассказ «Пикник»

Сумм Майя высказала своё мнение.

Create PDF files without this message by purchasing novaPDF printer (http://www.novapdf.com)